

МАРКСИСТСКИЙ

ЖУРНАЛ

Журнал Марксистской платформы №2(24) 2021

В.Ф.Исайчиков

О КОРЕННЫХ ПЕРЕМЕНАХ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СОЦИАЛИЗМ У ЛЕНИНА*

Ленин, развивая на опыте российских революций марксистскую теорию, меняя свою точку зрения на социализм неоднократно. Кроме широко известных открытий Ленина о возможности победы социализма в одной стране (и именно в России), он открыл, что в результате этой революции в стране может быть установлена совместная ре-

волюционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства как основа для строительства социализма, и на практике показал это. НЭП являлся лишь одной из форм этой совместной диктатуры.

Lenin, developing the Marxist theory on the experience of Russian revolutions, changed his point of view on socialism repeatedly. In addition to the widely known discoveries of Lenin about the possibility of the victory of socialism in one country (and precisely in Russia), he discovered that in as a result of this revolution in the country, a joint revolutionary democratic dictatorship of the working class and peasantry as a basis for construction socialism, and in practice showed it. NEP was only one form

of this joint dictatorship.

Плакат Г.Клуциса, 1930

*Доклад для XIV Плехановских чтений, Дом Плеханова, СПб, 7-8 ноября 2020.

11. Ленин В.И. VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике 22 декабря // ПСС, т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 128-161.
12. Нефёдов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900-1940 годах. М.: Дело, 2017
13. Жиромская В.Б. Основные проблемы отечественной демографической политики в 1920-е годы // НЭП: экономические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С.389-403.
14. Ленин В.И. О голоде // Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. Т.2, М.: Политиздат, 1976, с.660-666.
15. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Избранные произведения В 3-х т. Т.2, М.: Политиздат, 1976 с.592-625.

МЛ-254-255

XIV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «... МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ПРИЗНАТЬ КОРЕННУЮ ПЕРЕМЕНУ ВСЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАШЕЙ НА СОЦИАЛИЗМ»: СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В 1921-1927 ГГ.»

КРАТКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР-ВПЕЧАТЛЕНИЕ С КОММЕНТАРИЯМИ

Предисловие.

В этом году XIV Плехановские чтения из-за эпидемии коронавируса прошли с существенными отличиями от предыдущих: они были перенесены с конца мая на 6-7 ноября и проходили преимущественно в форме интернет-конференции: из заявленных 28 докладов лишь 8 состоялись в очной форме, 20 состоялись в заочной форме, причём 4 - только присланными и опубликованными докладами (сборник докладов был выпущен перед чтениями). Докладчики представляли 7 стран, а российские учёные - 5 городов (преимущественно Ленинград и Москву). Организаторами конференции выступили Дом Плеханова РНБ, Фонд Розы Люксембург и Сектор философских проблем политики Института философии РАН.

Поскольку материалы конференции были опубликованы, а часть докладчиков, особенно иностранных, не отклонялись от текстов публикации (да и иногда из-за проблем с интернетом удалённых докладчиков было плохо слышно), то обзор будет проведён, в основном, по материалам публикаций и обсуждений докладов.

Обзор первоначально готовился для журнала «Просвещение»; однако Т.И.Филимонова, узнав, что я готовлю такой материал, сообщила, что А.В.Бузгалин заинтересован в обзоре конференции для

журнала «Альтернативы». В связи с этим обзор был подготовлен в расчёте на публикацию в журнале «Альтернативы», но для того, чтобы не подвергать Бузгалина суровой (но справедливой ☺) критике в собственном журнале, анализ доклада Бузгалина был изъят (для вставки аннотации самого автора); кроме того, поскольку письменного доклада Л.А.Булавки-Бузгалиной в сборнике не было, а автор обзора в момент её выступления отлучался, то предполагалось, что Людмила Алексеевна тоже сама сделает обзор своего доклада.

Обзор был направлен Бузгалину, а параллельно - в адреса некоторых участников дискуссии. Ответ Бузгалина означал предложение по фактической перделке всего обзора: «Я отнюдь не против Вашей критики, но обзор призван включать (1) изложение доклада и (2) его короткую критику. У меня предложение: напишите критику моего доклада (он опубликован) в журнал отдельно».

Из ответа Бузгалину можно выделить три абзаца:

«Ваше предложение сделать обзор не столько критическим, сколько академическим, с изложением содержания докладов и краткой критикой не представляется мне целесообразным. Во-первых, поскольку сами доклады уже опубликованы, причём тиражом, сравнимым с тиражом «Альтернатив», то пережевывать их содержание неинтересно даже студенту, и, главное, имеет мало смысла, потому что часть докладов малосодержательна... А вот их критика имеет смысл, поскольку критикуемые ошибки типичны для многих работ.

Если Вас смущает несоответствие формы обзора с принятой в Вашем журнале, то давайте придумаем для получившейся формы другое название - например, «критический обзор» или даже «впечатления о докладах конференции».

Ваше предложение написать критику на Ваш доклад тоже считаю нецелесообразным. В опущенных в обзоре двух абзацах критики Вашего доклада я на самом деле практически его не критиковал, поскольку в моём докладе на конференции я, с одной стороны, выступил в целом с противоположной точкой зрения и показал, когда и как Ленин менял свою точку зрения на социализм, а, с другой стороны - конкретно показал, что при введении НЭПа Ленин свою точку зрения на социализм не менял. Поэтому полагаю, что целесообразнее была публикация моего доклада и как некоторой критики Ваших подходов, и, с другой стороны, развитием этой темы. А если Вы ещё строго, но справедливо ☺ раскритикуете найденные в нём ошибки, то такую статью готов опубликовать и в «Просвещении» ☺...»

Поскольку на это письмо ответа не было, то автор решил опубликовать обзор в «Просвещении» с редакционными правками, в основном, по форме: изложение доклада дано обычным шрифтом, а критический комментарий дан курсивом и с отступом. Кроме того, обзор дополнен небольшой дискуссией с некоторыми участниками чтений.

Критический обзор – впечатление

Открыл конференцию руководитель Сектора философских проблем политики ИФ РАН **В.Н.Шевченко** (Москва) докладом: «Ленин как великий реформатор» (заочно). Рассматривая идейную борьбу в партии за переход к НЭПу и при его преждевременном завершении, Шевченко отметил, что так называемая «левая оппозиция», считая НЭП отступлением, фактически выступала за возврат к методам «военного коммунизма» (на самом деле – военной уравниловки - И.В.). Но и защитники НЭПа, например, Бухарин, заявляя, что «мы наступаем на рельсах новой экономической политики», не решался вскрыть реакционную сущность военной уравниловки и утверждал, что «нэп вовсе не есть сплошное отступление». Докладчик верно подчеркнул, что «Левая оппозиция всё время пытается крепкого середняка, зажиточного крестьянина, ведущего своё хозяйство без применения наёмного труда, выдать за кулака». Шевченко сводит отказ от НЭПа к неумению партии «дирижировать по-новому отношениями в обществе в рамках гражданского мира» и отсутствию опыта строительства социализма, так как он не видит особенностей классовой борьбы в тот период. А его вывод, что «нэп – это составная часть строительства современного социализма с национальной спецификой в западных государствах», не опираясь на классовый анализ, переводит вопрос на надстроечный уровень «национальной специфики» и «незападности».

На вопрос **В.Ф.Исайчикова** «С чем связано изменение позиции Сталина на НЭП?» при обсуждении доклада ответ не был получен.

А.В. Бузгалин (Москва) также выступал заочно с докладом «Менял ли Ленин свою точку зрения на социализм?», и также рассматривал узкий вопрос о «коренной перемене» точки зрения В.И.Ульянова-Ленина на социализм в статье «О кооперации». И хотя Бузгалин написал: «В-третьих, и это главное, ленинская теория социализма изложена не только на бумаге: она «написана» языком практик реформ, революций, социалистического созидания», но, во-первых, эти слова оказались «в-третьих» ☺, а, во-вторых, оторванными от содержания статьи, которая посвящена практически целиком текстам (даже не идеям) Ленина.

Никакой связи с практикой у Бузгалина не видно. А поскольку Ленин «так и не написал развёрнутого обоснованного текста» по теории социализма и коммунизма, то отсутствие такой шпаргалки для профессоров очень печалит Бузгалина: ему приходится самому «проводить текстологические исследования». Правда, автор обзора мог бы радоваться тому, что ряд идей, которые он доказывает последние четверть века, Бузгалин, наконец, стал воспринимать – но уж очень робко и криво (и почему-то без ссылок на источник).

При обсуждении доклада **А.А.Курёнышев** высказал упрёк Бузгалину, что он продолжает линию катедер-социализма.

Этот упрёк в данном случае неоснователен: Бузгалин действительно профессор и вещает студентам с кафедры, но в данном случае он не проповедовал буржуазный социализм, чем занимались всегда катедер-социалисты. Правда, для какого класса Бузгалин проповедовал свой социализм – в докладе ни слова: слово «класс» в докладе вообще не фигурирует, не говоря уже о диктатуре пролетариата. Но ведь и слов о «мутантном социализме» он не повторял – это уже громадный прогресс для Бузгалина.

В.В.Калашников («Коренная перемена» взгляда на социализм: в чем она?») также выступал дистанционно (Петербург). И хотя основная мысль Калашникова противоположна утверждениям Бузгалина, однако в своём докладе он практически не дискутировал с Бузгалиным; и это, к сожалению, обычная история на конференциях, когда докладчики не замечают предыдущих авторов. И если на нормальной конференции в вопросах и ответах обычно всё-таки дискуссия разгорается, то на удалёнке дискуссия удаётся хуже.

По мнению Калашникова Ленин действительно коренным образом пересмотрел точку зрения на социализм как на «строй цивилизованных кооператоров», при котором сохраняются товарно-денежные отношения, а Сталин ленинский план реализовал. Но «отсутствие социалистического рынка стало одной из причин гибели советского строя и государства, поскольку принцип распределения по труду реализовался в грубой и неэффективной форме». Правда, Калашников разделял точку зрения Бузгалина, что необходимым условием для строительства социализма и кооперации является «культурная революция»; но, к сожалению, и доктор экономических наук Бузгалин, и доктор исторических наук Калашников так и не вскрыли материальную причину культурной отсталости российского крестьянства.

А ведь эта причина яснее ясного – бедность (в том числе на грани голодной нищеты) не способствует высокой культуре. А причина бедности русского крестьянства давно известна – это аграрное перенаселение, консервируемое пережитками патриархальщины и феодализма (помещичье землевладение и община), об этом ещё в самом начале XX века знала даже царская комиссия, назначенная для выяснения причин бедности. О классовом анализе в докладе Калашникова тоже ни слова; при обсуждении доклада Калашников признал, что советская наука мало что сделала за послеленинское время для раскрытия характера советского социализма и роли товарно-денежных отношений.

В.Ф.Исайчиков при этом не удержался от упрёка самому Калашникову: он неоднократно выступал на конференциях в ЛЭТИ, организованных Калашниковым, и в его докладах давно решены основные вопросы по характеру советского социализма и причинам его поражения. Но Калашников их, видимо, просто не читал ☹ (очно они не пересекались).

В.А. Архангельский («О коренной перемене априорных представлений о социализме») также выступал дистанционно (Самара). По его мнению, Ленин начал пересмотр точки зрения на социализм, отличный от Маркса, после 1918 года, когда вместо априорной теории Маркса внёс «вклад в становление апостериорной теории новой социальной организации общества», но до сих пор «исполнение ... задачи коренной перемены всей априорной точки зрения на социализм ещё не начиналось».

Можно спорить с Архангельским и об априорности теории Маркса, и о том, начиналась ли перемена взгляда на априорную точку зрения на социализм в советское и послесоветское время, но сам подход к диалектике априорных и апостериорных знаний, естественный для естественных наук, без сомнения, должен применяться и в науках общественных. Если же перейти к словам более понятным, то прогноз, который даёт теория, должен проверяться на практике, после чего теория должна либо отвергаться, либо уточняться. Маркс и Энгельс на основе тех знаний, которые имелись на момент их теоретического обобщения дали ряд прогнозов по социализму, которого в форме общественно-экономической формации в то время ещё не существовало. Очевидно, что точность таких прогнозов, особенно на дальний период, невелика, ибо ряд общественных процессов ещё не выявлен; в то же время некоторые положения, касающиеся дальних прогнозов, как раз вполне ясны. Известно, что Маркс и Энгельс ожидали кризиса капитализма и его краха ещё в середине 19-го века – но капитализм жив до сих пор; в то же время прогнозы по будущему коммунизму как обществу, в котором автоматы будут создавать автоматы, а человек будет выведен из сферы производства, данные Марксом (а ещё раньше – как фантастическое предположение – Аристотелем) чем дальше, тем ближе к осуществлению. Маркс не писал учебника по политэкономии или по научному коммунизму – для них ещё действительно не было необходимого объема эмпирических данных. «Капитал» написан на опыте преимущественно самой передовой капиталистической страны того времени – Англии периода свободной конкуренции, и он особо подчёркивал для русских исследователей (в письмах в редакцию «Отечественных Записок» и В.Засулич), что его выводы сделаны, в первую очередь, на опыте стран Западной Европы, и распространять их однозначно на Россию того времени нельзя (к тому времени первый русский марксист Даниельсон показал, что ряд экономических закономерностей, действующих в Европе, в России действуют по-иному). Однако и народник Михайловский, и бывший народник, ставший марксистом, Плеханов, не опубликовали эти письма, поскольку они нарушали их упрощенный взгляд на развитие общества. И до сих пор Марксу приписывается такой «марксизм», с которым ему ещё при жизни приходилось бороться.

Архангельский призывает развивать марксизм, поскольку «его современные интерпретации» находятся в кризисе, и стали «одной из

главных причин краха социализма в СССР и у его западных соседей». Более того, при нынешнем состоянии общественных наук, до сих пор придушенных «катехизисом 1938 года» (сталинской «Историей ВКП(б) ...»), он даже не рассчитывает, что в течение ближайших десятилетий удастся провести соответствующих научных обсуждений.

То, что современные интерпретации марксизма находятся в глубоком кризисе и до сих пор не избавились от сталинских догматов – песня известная; нельзя отрицать, что отсутствие теоретического понимания причин победы советского социализма и его классового характера способствовали его поражению. К сожалению, до сих пор сталинская догма о советском социализме как осуществлении диктатуры пролетариата разделяется как сталинистами, так и антисталинистами – автор обзора писал об этом не раз. Но могло ли это быть главной причиной? Даже имевшегося ограниченного теоретического багажа вполне было достаточно, чтобы понять в годы «перестройки», что Горбачёв и часть партийной верхушки повернули к капитализму. Но историю делают не идеи, а классы. А вот как раз классы Архангельский и пытается изгнать из социализма, считая его бесклассовым, и перенеся противоречия в каждого его члена, который одновременно является носителем общественной и личной (семейной) собственности. Мы не будем рассматривать «коммонные» фантазии Архангельского, но отметим, что его понимание необходимости преодоления экологической катастрофы и опасности новой мировой войны не может не радовать. Правда, упоминание о том, что эту борьбу автор обзора ведёт уже не один десяток лет, наверное, не повредило бы нашему общему делу. Для спасения от ужасов войны нужны коллективные действия, а не борьба за приоритеты.

При том, что **Д.Б.Эпштейн** – ленинградец, он тоже решил выступить с докладом с «защищенных позиций» – то, есть, дистанционно ☺. Его доклад «Новая экономическая политика: временное отступление или смена стратегического видения?» вызвал немало споров, поскольку он категорически заявил, что Ленин изменил свою точку зрения на социализм, причём отошёл в этом от Маркса. Для начала Эпштейн рассматривает точку зрения Маркса на будущее общество в «Манифесте коммунистической партии», «Капитале» и «Критике Готской программы», где даются самые общие характеристики будущего пролетарского социализма. У Маркса и Энгельса в приведённых цитатах всё правильно, а вот их интерпретация Эпштейном иногда сомнительна. Мы ограничимся одним примером – в «Манифесте...» говорится: «Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е., пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил ...». «На месте старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие

каждого является условием свободного развития всех» - Эпштейн делает вывод: «То есть, суть плана действий состоит в том, чтобы передать средства производства государству, которое должно действовать в интересах свободного развития всех, и на место общества классовой противоположности должна придти свободная ассоциация».

Но это неверная интерпретация! Во-первых, когда говорится «шаг за шагом», это означает, что передача орудий производства происходит не одномоментно, а занимает некоторый исторический период (в «Критике Готской программы» об этом сказано вполне определённо, но Эпштейн эту цитату не приводит). То есть в этот период сохраняются и классы, и товарное производство. Во-вторых, у Эпштейна пропал пролетариат как господствующий класс. В-третьих, и это мы знаем из других произведений классиков, государство диктатуры пролетариата – это уже не совсем государство, это «полугосударство», «засыпающее» государство, и в свободной ассоциации его уже нет, оно упразднилось. При этом речь идёт о превращении буржуазного общества и его классов в общество коммунистическое, бесклассовое. Но как прямо применить это положение к России, в которой чистого буржуазного общества не было, в которой в 1918 году было пять укладов, каждый из которых – со своими классами? В которой государство было рабоче-крестьянским? Мало того, что крестьянство – это не класс, а смесь классов разных укладов; но даже рабочий класс в СССР времён НЭПа – это, на самом деле, не один класс, ибо рабочий класс социалистического уклада – это одно, а рабочий класс частнохозяйственного или государственно-капиталистического уклада – это другой класс? И это только основные («большие» по терминологии Маркса) классы советского общества... Некругло получается у Давида Берковича, который в полном соответствии со сталинским «Кратким курсом...» (и полным несоответствием с действительностью) утверждает, что «к власти пришёл пролетариат, руководимый марксистской партией». Правда, пролетариат в России всё-таки был – около миллиона потомственных пролетариев крупного машинного производства – на полторы сотни миллионов крестьян, чиновников и рабочих не столько от станка, сколько от сохи. Но вот где Эпштейн увидел марксистскую партию? В каждой губернии, каждом уезде, каждой волости были партийные комитеты – в том числе там, где никакого рабочего класса не было и в помине. Откуда там взялись коммунисты? Неужели они были сильными марксистами? Да что там уезды! Возьмём самую верхушку партии. Каменев и Зиновьев – марксисты? Троцкий и Сталин? Луначарский и Дзержинский? Пятаков и Бухарин? Кого из них не приходилось критиковать Ленину за немарксизм? Даже самого известного теоретика партии, Бухарина, Ленин не назвал марксистом, что уж говорить про других... Партией реально руководил действительный марксист Ленин – великая интеллектуальная сила. Но мы знаем, что он ещё был жив, когда прочие

«марксисты» затеяли внутрипартийную (а на самом деле – межклассовую) борьбу, которая кончилась тем, что «марксист» Сталин просто расстрелял почти всех остальных «марксистов».

К сожалению, в благой попытке доказать необходимость товарно-денежных отношений при социализме, особенно в крестьянской стране, Давид Беркович постарался привлечь на свою сторону явных врагов социализма, таких как Б.Л.Бруцкус, Л.Мизес и М.И.Туган-Барановский, от которых наивно ожидать объективности. Например, Туган-Барановский, бывший «легальный марксист», для оправдания капитализма, товарного производства и денег выдумывает в качестве их причины антинаучную эгоистическую природу человека, а не общественное разделение труда и определённый уровень развития производительных сил. Бруцкус и Мизес видят в рынке стимул для производства и механизм определения цен – всё это верно для капитализма; но ведь цена – это превращённая и искажённая форма меновой стоимости, которая проявляется в товарном обмене, но формируется в производстве – в этом-то и суть трудовой теории стоимости. Когда же Эпштейн считает, что кооперативное предприятие, торгующее с другими предприятиями, государством и населением требует «полноценного рынка», то здесь также перегиб: полноценный рынок – это капиталистический рынок, и полноценным он становится потому, что на нём появляется специфический товар этого рынка – «рабочая сила». В условиях бедности, громадного аграрного перенаселения, недостаточной развитости промышленности допуск найма рабочей силы и капиталистической эксплуатации – это мера вынужденная, и именно от неё было необходимо отказаться в первую очередь при экономическом изживании НЭПа. Эпштейн верно пишет, что без роста зажиточности крестьянства нельзя поднять эффективность сельского хозяйства; страна была слишком бедна, и у неё не было «технической базы для добровольной массовой коллективизации». Коллективизация с сохой и серпом не имеет экономического смысла, а дать крестьянству «сто тысяч тракторов» не позволяло слабое развитие промышленности.

Причину отказа от НЭПа Эпштейн видит в том, что «Сталинскому руководству не хватило терпения и интеллектуального потенциала, не хватило той самой культуры, о которой говорил Ленин». Это, конечно, верно, но это подход поверхностный. Сталинскому руководству не хватило культуры, а почему не нашлось другого, более культурного руководства? И какой интеллектуальный потенциал требовался для усвоения разжёванных до примитивности последних ленинских работ? Но пять лет после них вопросы кооперации и коллективизации шли ни шатко, ни валко (точнее – практически не шли), Сталин занимался внутрипартийной борьбой, а в это время кулаки и перекупщики собирали капитал для «хлебной стачки». Ну, и конечно, классового анализа процессов в советском обществе того времени

Эпштейн тоже не даёт, а без него можно только находить поверхностные «причины».

Однако при теоретических завихрениях в доказательствах Эпштейн формулирует вполне верные выводы: «...Экономическая стратегия, намеченная Лениным и реализованная нэпом, была правильной стратегией. А снятие товарности и рынка, противоречий между ними, с одной стороны, и интересами общества с другой, должны разрешаться при наличии власти трудящихся не административным уничтожением товарного производства, а его освоением, развитием, государственным регулированием в интересах всех слоёв общества, демократизацией управления, повышения роли трудящихся в управлении». Правда, трудящиеся – это не класс, и при замене «власти трудящихся» на «власти рабочего класса» формулировка была бы точнее, ибо крестьянство сейчас при прогрессе техники и технологий сокращается до 1-2% в развитых странах и исчезает как класс, превращаясь в сельскохозяйственных рабочих.

Следующим был очный доклад **В.Ф.Исайчикова** (Москва): «О коренных переменах точки зрения на социализм у Ленина». Поскольку доклад помещён в этом же номере журнала, то излагать его содержание излишне. При обсуждении доклада Исайчиков подчеркнул, что споры о рынке при социализме – пустые абстракции, связанные, в том числе, с тем, что классики не всегда в своих популярных статьях, письмах и выступлениях отделяли социализм как первую фазу коммунизма, от полного коммунизма. Социализм потому и не коммунизм, что при нём существует рынок. Если рынок при социализме исчез – значит, это уже коммунизм; социализм и рынок неотделимы, вопрос только в уровне рыночных отношений. Но наибольшие нападки оппонентов вызвал классовый анализ, как проведённый для советского общества того времени, так и по отношению к рабочему классу. Исайчиков пояснил, что такое современный рабочий класс, и в качестве наглядного примера указал на своего соседа за столом – доктора технических наук И.Г.Абрамсона, разработчика технологий цементного производства; а вот других соседей по столу, в том числе кандидатов и докторов общественных наук, он к рабочему классу не отнёс. **Курёнышев** заявил, что отнесение Исайчиковым советского социализма к мелкобуржуазному – это то же самое, что заявить, что советский социализм и фашизм – это одно и то же. На это Курёнышеву было указано, что по определению Коминтерна фашизм – это одна из форм империализма, и это диктатура не просто буржуазии, а крупной, монополистической буржуазии. А то, что фашизм опирался и на мелкую буржуазию – это не самое существенное в его природе; мелкая буржуазия в силу своей двойственной природы – собственника и труженика – идёт то за буржуазией, то за рабочим классом.

Два следующих заочных доклада были посвящены отношениям СССР с Италией в годы НЭПа. **Р. Алонци** (Италия) представила доклад: «НЭП и новая дипломатическая политика СССР: установление

дипломатических отношений с Италией в 1924 г.», а **В.П. Любин** (Москва) – «Торгово-экономическое сотрудничество СССР и Италии в 1920-е годы».

Доклад **В.М. Абрамчук** и **В.М. Крылова** (Молдова) «Образование СССР – формирование советского народа как новой общности людей» особой дискуссии не вызвал, поскольку в заочном докладе был опущен ряд спорных моментов, которые имеются в опубликованном тексте. Например, острая политическая борьба между Лениным и Сталиным по принципам организации СССР, а затем – и по практическому попущительству Сталиным великодержавности, в докладе опущена, её классовая основа не вскрыта, как и не раскрыты некоторые положения национальной политики, которые проводил Сталин в последующее время. Второе – сам вопрос о том, что такое «новая общность – советский народ», и в какой мере она была сформирована, так и остался недостаточно разработанным. И этот вопрос нельзя раскрыть, если уходить от классового анализа – а его в докладе как раз и не было.

О.Н. Ерошкина (Петербург) представила доклад «Идейные истоки и социально-политическая позиция российской дореволюционной интеллигенции в период НЭПа». В докладе, использующем как архивные данные, так и воспоминания и дневники современников революции немало интересных моментов; часть из них, несомненно, была бы весьма полезна писателям исторических повестей и романов. Но с методологической стороны к докладу имеется немало претензий. Во-первых, в качестве определения русской интеллигенции без всяких доказательств пригодности взято весьма сомнительное утверждение такого весьма сомнительного авторитета, как П.Б.Струве: «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития». Во-вторых, среди рассматриваемых интеллигентов большая часть как раз к социализму отношения не имела; это можно сказать не только о А.Бенуа, но и, тем более, об оголтелой антисоциалистке З.Гиппиус (по словам того же А.Бенуа – крепостнице). В-третьих, в докладе нет ни одной цифры, даже когда речь идёт о численной оценке: «...немало представителей дореволюционной интеллигенции всё же остались в России...» или «...интеллигенция ... стала главной жертвой...». Намёк на классовый анализ состава русской интеллигенции в 1917 году докладчица дала: «её можно разделить условно на четыре социально-политические группы: дворянскую, буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую»; но, конечно, это не классовый анализ, поскольку в дальнейшем эта классификация не применяется. При этом по части НЭПа докладчица даёт вполне разумный вывод: «Его [Ленина] преемники в советском руководстве проигнорировали рекомендации и советы, изложенные им в послед-

них статьях и письмах и призванные помочь в реализации нового курса».

Так как доклад **Л.А.Булавки-Бузгалиной** (Москва) «Культурная революция: Ленин, Маяковский и Пролеткульт» в сборник докладов не включён, то его анализ по интернет-выступлению для автора обзора затруднён, поскольку он слышал его не полностью, и не уловил в докладе чего-то нового (выступления Булавки на эту тему он слышал уже не раз за двадцать лет). Читатель может негодовать, но автор обзора ничем ему помочь не может.

А вот очный доклад **В.В.Кнорринг** (Петербург) на тему: «Советская власть как фактор развития еврейской культуры в СССР в 1921–1927 гг.: дискуссионные аспекты проблемы» для автора был в новинку. Правда, реально эта тема была сужена – и не только за счёт обычного у обществоведов узкого понимания культуры как явления только духовной жизни или искусства, но и тем, что рассматривалась преимущественно издательская деятельность. Но и при этом к еврейской культуре были отнесены лишь издания на идише (с выражением сожаления, что литература на иврите считалась религиозной и в советское время не издавалась), а произведения евреев на иных языках (русском, украинском и пр.) игнорировались докладчицей. Разделяя точку зрения современного еврейского государства Израиль, что национальность еврея определяется иудаизмом, докладчица является сторонницей тех еврейских специалистов, которые называют историю евреев иудаикой. Но этот подход сугубо националистический и неверный – имелись и имеются народы, которые приняли иудаизм, но не стали евреями – например, хазары и так называемые «горские евреи». Неудивительно, что докладчица не раз обругала атеистические книги, печатавшиеся в СССР на идише, и похвалила еврейские издательства Польши и Литвы за выпуск религиозной литературы.

При этом такой подход даже для еврейских националистов считается узким и, например, в сборнике еврейской мудрости помещены некоторые мысли, например, Маркса, который никогда не писал ни на идише, ни на иврите, и ещё в детстве был крещён. Ну, а то, что иудаика названа наукой – это обычная практика у обществоведов, когда каждая узкая научно-образовательная дисциплина возводится в ранг науки. Например, академик Абалкин в своё время не постеснялся назвать наукой учебную дисциплину «Экономическая политика КПСС»; я полагаю, что школа гейш имеет больше оснований называть свою дисциплину наукой ☺, ведь говорил же Пушкин: «Разврат, бывало, хладнокровный наукой славился любовной...» ☺; Пушкин всё-таки гений, а Абалкин – всего-навсего академик ☺.

Вывод, который огласила докладчица, противоречив: «В 1921–1927 гг. еврейская культура в Советском Союзе пережила небывалый взлёт, предпосылками которого были руководство сферой культуры и просвещения со стороны государства, социалистический характер

этого государства и набор идеологом, активно насаждаемый им. В то же время традиционная еврейская культура, дореволюционная научная школа и частично художественное творчество оказались вытесненными на периферию, а затем и вовсе уничтоженными».

Если с первым предложением можно согласиться, то сожаления о традиционной еврейской культуре (которая, видимо, отождествляется с иудаизмом) в докладе не доказаны. И, разумеется, никаких попыток классового анализа процессов докладчица не делала.

В связи с этим **Исайчиков** задал ей вопрос: не является ли очевидный взлёт еврейской культуры в СССР в это время следствием того, что евреи по царским законам были горожанами, и среди евреев была велика доля рабочего класса? Докладчица пообещала подумать на эту тему.

И.А. Лапина (Петербург) продолжила тему о национальной политике в СССР, представив доклад (заочно) «Национальные педтехникумы как основное звено подготовки учителей для национальных школ в РСФСР в 1917–1930-е годы». Доклад с богатым фактическим материалом не вызвал вопросов и дискуссий. Следует отметить, что среди национальных педтехникумов больше всех было немецких, еврейских и казанско-татарских. Но были техникумы и отделения латышские, финские, эстонские, польские, вепские, чувашские, башкирские, горские, греческие, якутские, ассирийские, крымско-татарские, сибирско-татарские, цыганские, коми и др.

Но при анализе текста доклада автор обзора решил отметить три момента: во-первых, у специалистов, занимающихся национальным вопросом появился дурной обычай называть масло масляным и писать «этнонациональный». Это, разумеется не упрёк докладчице лично, а каменюка, запущенная в огород её коллег ☹. С другой стороны, автор с удивлением узнал, что одной из важных учебных дисциплин в педтехникумах была «История классовой борьбы, история ВКП(б) и Коминтерна» – то, о чём после выхода сталинского «Краткого курса...» забыли, заменив им все указанные темы, а сейчас, не умея провести классовый анализ, среди трёх сосен путаются и академики. И третье – как при приёме студентов осуществляли классовые преимущества рабочего класса: «Принцип зачисления в вузы и техникумы по социальному положению в 1926/27 учебном году был таким: в первую очередь принимали детей из детдомов и подростков, направленных биржей труда; во вторую – детей рабочих и батраков (к этой категории относились и дети учителей, научных работников, работников госорганов), затем – детей беднейших крестьян и кустарей-одиночек; в последнюю очередь – всех остальных» – и научных работников в этой части приравнивали к рабочим!

В.Г. Арсланов (Москва) заочно представил доклад: «Хроника и смысл русской революции в дневниках А.Н. Бенуа (1917–1924 гг.)». Доклад, разумеется, предельно узкий – мнения одного человека, даже не самого ординарного, а тем более, не понимающего, что на са-

мом деле происходит – сами по себе не предмет истории, а, скорее, основа для художественного образа. Но, с другой стороны, люди искусства, как весьма чуткие индикаторы, часто отмечают такие моменты, которые показывают наиболее яркие моменты настоящего или зарождение новых процессов. Склонный к монархизму А.Бенуа, тем не менее как пацифист поддерживал большевиков. В мае 1917 года он чувствовал раскол между народом и образованными кругами: «Как ни бранишь это гигантское животное [народ], но в его зверином лике, в его пассивности и даже в его лени заложена большая мудрость. Напротив, и следа мудрости нет в ноющих по нём и дразнящих его букалах-интеллигентах». В записи от 23 января 1918 года он писал об «Утре поэзии», на котором выступала З.Гиппиус: «Гротеск и что-то невыносимо противное дошло до крайней своей точки, когда выступала Зиночка, которая металась, подбоченясь, по эстраде и выкрикивала: «Их надо барским хлыстом отстегать!» Я всегда чуял, что под разными ликами нашей «белой дьяволицы» прячется истеричка-крепостница». В этом же 1918 году Бенуа о большевизме как массовом народном движении пишет: «Я вижу очень могучие требования справедливости...». Но причины отъезда в 1924 году Бенуа за границу Арсланов не вскрывает, хотя в докладе Ерошкиной говорится о том, что Бенуа был возмущён тем, что его коллекция произведений искусства была обращена в общественную собственность.

То, что коллекцию национализировали – дело правильное; но вот вопрос, как это сделали – неясно; чиновники вполне могли сделать это грубо и неумно, ибо к революции примкнуло немало проходимцев. Но когда уже Арсланов причисляет примкнувшим к революции Маяковского, то это уже его ошибка, а не Бенуа: Маяковский сначала стал революционером, и лишь потом примкнул к искусству.

Д.Квинтерн (Германия, Турция) представил доклад «От Маркса к Баку – движение социализма к восточным горизонтам». К сожалению, из-за периодических проблем со связью и трудностями перевода главная мысль докладчика была, видимо, скомкана; насколько можно судить по тексту доклада на английском языке главное содержание доклада в том, что Маркс и Энгельс в середине 19 века ожидали революцию в развитых странах Европы, а к национально освободительному движению, большей частью проходившему под руководством реакционных феодалов, относились весьма прохладно. Однако затем, изучая освободительную борьбу ирландского и других народов, они стали видеть в этих странах (особенно в России) возможность перехода к социализму под воздействием пролетарских революций. Конгресс народов Востока в Баку в 1920 году под воздействием революции в России и идей Ленина дополнил революционный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» словами «и угнетённые народы». Опыт революций в Китае и других странах Востока подтвердил верность этого лозунга.

М.Б. Конашев (Петербург) представил доклад «Периферийный капитализм – периферийный социализм?» также по удалёнке. Конашев верно констатирует: «Все успешные социалистические революции случились ...не в наиболее развитых, а в средне – и слабо развитых капиталистических странах, в слабых звеньях капиталистической цепи, согласно В.И.Ленину, или, согласно Р.Пребишу и И.Валлерстайну, в странах «периферийного капитализма».

Правда, открыл явление периферийного капитализма ещё при жизни Маркса петербуржец Н.Ф.Даниельсон; дали этому явлению название Пребиш и Ф.Кардозу, а Валлерстайн лишь слямзил идею у латиноамериканских марксистов, при этом переделав её в либеральном духе. О периферийности российского капитализма не раз писал автор обзора, в том числе в статье, опубликованной Конашевым в своем журнале – но не заслужил полагающейся ссылки. Почему не заслужил – автор догадывается, поскольку из факта периферийности капитализма в России его вывод, и вывод Конашева существенно отличаются: Конашев называет советский социализм без всяких доказательств ранним (как Вазюлин – но ссылки на Вазюлина тоже нет) и «периферийным», а Исайчиков уже четверть века даёт ему классовую характеристику – мелкобуржуазный (а в начальный период – даже мелкобуржуазно-патриархальный). Без классового анализа движущих сил революции этикетка «периферийный» немногим лучше прочих бессодержательных этикеток: ранний (Вазюлин), мутантный (Бузгалин), командно-бюрократический, реальный и пр. И хотя Конашев местами повторяет классовую характеристику Октябрьской революции в соответствии с Лениным (и Исайчиковым ©) как рабоче-крестьянскую, но от новой и любимой этикетки не отказывается. Более того, он при этом утверждает: «Тот социализм, который возник, существовал и существует, тоже не соответствует представлениям классиков марксизма, их последователей и продолжателей, и, в первую очередь, В.И.Ленина». Насчёт якобы последователей и продолжателей, оппортунистов, бернштейнцев, каутскианцев, «экономистов», меньшевиков, приспособивших и опошлявших марксизм для своих непролетарских целей можно согласиться целиком, насчёт классиков, видевших в середине 19 века приближение революции в Западной Европе, когда капитализм только начинал разделяться на периферийный и капитализм центра, упрёк не совсем заслуженный. Тем более, что и варианты прихода к власти пролетариата и его партии в условиях, когда уровень развития производительных сил не достаточен для проведения чисто пролетарской линии, они тоже предвидели. И абсолютно не соответствует действительности упрёк Ленину, который прекрасно понимал, какую революцию он совершал и в каких условиях, и насколько его положение о «революционно-демократической диктатуре рабочего класса и крестьянства» отличается от положения о диктатуре пролетариата у Маркса и Энгельса.

Кроме того, упоминая регулярно крестьянство, Конашев игнорирует то, что это не класс, а смесь классов различных укладов и различной революционности. Например, в Германии, Франции, Швейцарии и других странах Западной Европы крестьянство потеряло свою революционность уже в середине 19-го века, а на Кубе, например, практически не было крестьянства – на капиталистических плантациях работал сельский рабочий класс. Да и рабочий класс стран капиталистической метрополии и стран периферии – это, фактически разные классы; если в конце 19 - начале 20 веков опорой оппортунизма и капитализма служила прослойка «рабочей аристократии», то к середине 20 века эта «прослойка» накрыла практически весь рабочий класс стран-метрополий – безработный в США живёт лучше, чем рабочий в Бангладеш или Гане. О том, что развитые капиталистические страны (их капиталисты) грабят страны периферии за счёт неэквивалентного обмена, писали ещё Даниельсон с Марксом, не говоря уже о Ленине. Констатируя, что советский социализм приобрёл ряд «антисоциалистических черт», главную причину этого он видит не в классовой борьбе, а во внутривластной борьбе. То есть, сделав шаг в верном направлении, Конашев не смог вскрыть глубинные причины явлений и процессов.

Поскольку следующие несколько докладов автор обзора не слушал полностью или частично в связи с отъездом на митинги у памятника Ленину перед Финляндским вокзалом и у «Авроры», то их обзор будет сделан по текстам докладов.

Н.А Косолапов (Москва) очно представил доклад: «Перемена взглядов на социализм» как проблема политических теории и практики», но поскольку его текст не был помещён в сборнике, то его содержание автору обзора неизвестно.

Б.Дуранкев (Болгария) выступил с докладом (заочно): «Чего не хватало реальному социализму, чтобы стать лучшей социально-экономической системой?» Поверхностное описание достижений и недостатков «реального социализма» без его классового анализа ничего не добавило (кроме путаницы) в понимание причин его успехов и поражений.

Отнесение института прописки к «элементам» феодализма, а исправительно-трудовых лагерей – к элементам рабства в СССР и некоторых других соцстранах – элементы крайне поверхностного подхода к сущности общественно-экономических формаций. Куда больше феодализма сохранялось в архаичной системе Академии наук с её пожизненным делением на баронов-академиков, рыцарей-членкоров и прочую бесправную научную челядь. Никакого раскрытия классовых и экономических причин этих явлений, как и характера советского социализма и социализма в других соцстранах в докладе не представлено. Даже в формальной таблице соответствия элементов «научного коммунизма» и «реального социализма» содержится немало натяжек. Во-первых, доктор философии пренебрегает известным с

античности философским принципом, что целое не является суммой составных частей и само по себе перечисление «элементов» мало что даёт. Во-вторых, элементы «научного коммунизма» взяты из первого развёрнутого документа научного коммунизма – «Манифеста коммунистической партии», который содержит предположения, ещё не подтверждённые на практике и не связанные с конкретной исторической обстановкой. В-третьих, даже в этом случае «реальному социализму» приписаны несуществовавшие явления. Например, если в «Манифесте...» говорилось об учреждении промышленных армий, в особенности для земледелия, и в части «реального социализма» отмечено, что они реализованы, то либо мы жили на разных планетах, но на Земле, в СССР и соцстранах, никаких промышленных армий как всеобщего принципа не существовало, особенно для земледелия. Наоборот, практически во всех этих странах наблюдалось значительное аграрное перенаселение, когда, например, в СССР в первые годы после революции аграрное перенаселение составляло свыше половины всего сельского населения (да и в Болгарии в 1946 году сельское население составляло 75,3%). Более того, в современных развитых странах в сельском хозяйстве занято около 2% населения, и сельское хозяйство при таких соотношениях уже не является в этих странах ни значимым потребителем, ни поставщиком рабочих рук.

То, что было актуальным 170 лет назад, может потерять актуальность со временем или приобрести другой смысл. Если в «Манифесте...» было записано: «Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней», то сейчас сельскохозяйственный труд приобрёл в развитых странах свойства труда промышленного, не только с механизацией ряда процессов, но и с их автоматизацией, а развитие средств связи и транспорта в значительной мере устранили идиотизм деревенской жизни. Большею частью жителей села в развитых странах теперь доступны все удобства городской жизни; при желании они могут посещать театры и музеи не реже ленивых и неразвитых горожан. В то же время предоставление горожанам земельных участков вблизи городов позволило им свободно заниматься земледелием не для прокормления, а для удовольствия.

Однако Дуранкев приписал «реальному социализму» и то, чего в нём ещё не было. Если «Манифест...» предполагал: «Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т.д.», то в этой части было сделано не так много. Воспитание всех детей не было ни бесплатным, ни полностью общественным. Вопрос о том, кто и как должен воспитывать детей, так и не был решён на практике, ибо отлучать родителей от воспитания детей не представляется правильным, как и доверять только родителям воспитание детей – не все родители способны (точнее не подготовлены) к этой сложной обязанности. Фабричный труд детей был

устранён практически в любой форме, а соединения воспитания с материальным производством так и не произошло. Проведённые при Хрущёве попытки соединить воспитание, обучение с производством были скороспелыми, неподготовленными, но и они были сломаны восстановлением фактически прежней буржуазно-феодальной гимназической системы воспитания неумех и белоручек (а сейчас – и не-знаек).

Отсутствие классового анализа процессов в «реальном социализме» приводит к явному идеализму, когда причина его поражения сведена к слабости и уступчивости характера последнего советского лидера.

В.В. Курносов (Великий Новгород) заочно представил доклад «Начало советской системы планирования народного хозяйства», который производит впечатление надёрзанности из разных мало связанных источников, когда на одной странице (или даже в соседних предложениях) содержатся взаимно исключающие утверждения (при этом совершенно не доказанные). Например, если в первом предложении он верно пишет: «Все объяснения свершившихся исторических событий с позиций предательства отдельных лидеров не выдерживают критики», то в следующем фактически пишет обратное: «Шёл сознательно управляемый процесс социальных преобразований в обществе». Сознательно управляемых – это как раз не стихийных, а проводимых конкретными лицами. И если в следующем же предложении говорится: «Движущей силой преобразований явилась интеллигенция, униженная своим социальным положением и материально ущемлённая», то на этой же странице говорится о том, что руководство КПСС старалось удовлетворять запросы «советской и националистической буржуазии». Так кто же проводил контрреволюцию – буржуазия или интеллигенция?

Правда, когда доцент утверждает, что план ГОЭЛРО был принят в 1924 году, то вопросы о его квалификации в этой части можно было бы снять. Но это, к сожалению, следствие обычного для экономистов отрыва от практики, когда профессора и доценты, никогда не работавшие по специальности на практике, учат таких же будущих профессоров и доцентов. Курносов явно не работал никогда в плановых органах, поэтому у него нет понимания реального положения в этой сфере деятельности. К тому же доклад на тему о начале системы планирования он начал с того, что он считает концом этого планирования – с косыгинской реформы 1965 года и категоричного утверждения: «Экономическая реформа 1965 года положила конец директивному планированию» - совершенно не соответствующего действительности, ибо планы по основной номенклатуре изделий никто не отменял. Как человек, проработавший 35 лет в центральном аппарате Минсредмаша-Росатома и занимавшийся планированием НИР и ОКР, могу сказать, что показатель прибыли не играл у нас решающей роли, а вот за выполнение плана по номенклатуре спрашивали весьма

строго. При этом плановая система не была строго командной – планы составлялись на основе предложений предприятий, обсуждались на НТС министерства и при уважительных причинах могли загодя корректироваться (что для научных разработок было естественно, ибо в науке нельзя всё предусмотреть).

Не более обоснованными у Курносова является и анализ проблем при подготовке и выполнении плана первой пятилетки. Ссылки на заграничных спецов-антисоветчиков вроде Струве и Бруцкуса, никогда не занимавшихся планированием, просто смешны, ибо опыта планирования в таких масштабах в стране и мире не было, а провальные результаты в сельском хозяйстве были вызваны как раз тем, что Сталин все планы в этой части нарушил.

Перескок при этом на планы военного строительства, причём до 1939 года, докладчиком ничем не обоснован, и он также поверхностный, ибо эта часть содержит ряд цифр без каких-либо выводов. А элементарная проблема плановых расчётов – отсутствие не столько методик, сколько техники (балансы рассчитывались на счётах и арифмометрах), систематически замалчивается такими «специалистами». И последнее – такое впечатление, что Курносов даже не вычитал свой доклад, ибо ряд предложений просто не дописан. Но когда доценты и профессора для подтверждения квалификации должны принимать участие в определённом количестве конференций, и этот показатель для них важнее смысла докладов, то удивляться можно только тому, что такие доклады проскакивают на серьёзные конференции.

А.А. Курёнышев (Москва) очно изложил доклад: «Судебный процесс над ЦК ПСР 1922 г. как форма борьбы за выбор путей развития России в XX веке». Говоря о процессе над ЦК Партии социалистов-революционеров, Курёнышев не столько излагает фактологию процесса, сколько спорит с некоторыми нынешними и прошлыми защитниками эсеров, пытавшимися рассмотреть его с «чисто юридической» (а на самом деле – предвзято-юридической) точки зрения. Курёнышев верно отмечает, что во времена революций, когда законы старой власти уже отменены, а новые только создаются, невозможно следовать каким-то писаным законам. При этом докладчик почему-то забыл такой аргумент, что до сих пор в Англии нет Уголовного кодекса, и суды действуют на основе прецедентного, то есть одной из форм обычного права (права, основанного на обычаях, а не на кодексах). Но им показано, что основные демократические нормы правосудия на процессе были соблюдены (чего сплошь и рядом не соблюдается в современной России с её практикой «басманного правосудия»). Курёнышев показывает, что необходимо «признать амнистию, данную активным борцам с советской властью и легализацию ПСР как попытку большевиков установить в стране гражданский мир», то есть политически завершить Гражданскую войну. А политической целью процесса со стороны большевиков был публичный показ

«всему миру политическую, идеологическую и организационную несостоятельность своих главных противников...» - далее Курёнышев добавил слово «слева», но с этой оценкой согласиться нельзя – эсеры всегда были справа от большевиков. И главными противниками в Интервенции и Гражданской войне у большевиков и крестьян были отнюдь не эсеры, а российские помещики и мировой капитализм. Эсеры как партия мелкобуржуазная в этой борьбе оказалась между пролетариатом (и шедшим за ним крестьянством) и его противниками; если «левые эсеры» пошли с большевиками (непоследовательно и временно), то правые эсеры в борьбе с большевиками чаще смыкались с реакционерами (Курёнышев показал это на примере союза с авантюристом Филоненко, связанного с церковью и буржуазией). Курёнышев верно показал, как эсеры, получившие после Февральской революции место у власти и рассчитывавшие, что после Учредительного собрания они станут управлять страной практически единолично, попали в такое положение, о котором Ленин впоследствии предупредил большевиков – в положение зазнавшейся партии – причём они зазнались ещё до получения реальной власти. После разгона Учредительного собрания оказалось, что за эсерами не оказалось силы: большевики легко разоружили и блокировали те части армии и флота, на которые рассчитывали эсеры для поддержки Учредительного собрания, а крестьянство не пошло за теми, кто обещал войну «за Дарданеллы» (землю и волю крестьяне уже получили от большевиков).

К сожалению, Курёнышев не раскрыл глубинный политический смысл процесса, как и усиления в это время борьбы с меньшевиками. Эта политика была напрямую связано с раскладом классовых сил после перехода к НЭПу, когда с разрешением рыночных отношений, частной торговли в крестьянской стране с преимущественно мелкотоварным производством именно мелкобуржуазные партии получают возможность для агитации и борьбы за власть, а реально – за установление капитализма, который в России уже показал свою бесперспективность и невозможность решения основных проблем страны – бедности крестьянства. Ибо рынок без ограничений превратил бы большинство крестьян в считанные годы в батраков и нищих – куда быстрее, чем это собирался сделать Столыпин. А страну эсеры могли привести только к одному – к анархии, к развалу, к захвату территорий соседями и империалистами. Поэтому до укрепления промышленности и сельского хозяйства, при относительной свободе капиталистических отношений в концессиях и частных предприятиях, главным противником рабочего класса становилась мелкая буржуазия города и деревни, и её классовые партии. И вскрыть их неспособность к управлению страной и должен был показательный процесс над ЦК ПСР. А искать конкретных виновников в индивидуальных террористических актах против большевиков (не только Володарского и

Ленина) на фоне масштабной Гражданской войны – это политическая мелочёвка.

Саратовец **В.П.Пашков** очно представил доклад «Производительные силы в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и В.И. Ленина». Суть его доклад вкратце можно изложить в одном предложении: никто, в том числе из классиков, не понимал, что такое производительные силы, потому что не понимал, что такое сила вообще.

В докладе Пашкова верно показано, что в части термина «производительные силы» в учебниках, словарях и даже у классиков нет строгого совпадения; но это вообще относится к терминам обществоведения, которые, в отличие, например, терминов в технике, не узаконены. Терминология развивается вместе с самой наукой; терминология, например, химии, за полтора века изменилась настолько, что современные химики не могут понять статьи по химии середины 19-го века. Если в естественных науках и технике было создано множество ГОСТов по терминологии, то в терминах общественных наук немало произвольного толкования, в том числе ложного. И сам Пашков демонстрирует это, применяя неверное понимание термина «рабочая сила», который означает особый, специфический товар капиталистического способа производства, но отнюдь не является способностью человека к целесообразной деятельности в материальном производстве – но именно в этом смысле и использует этот термин Пашков. Кроме того, он совершает элементарную ошибку, когда единый термин, состоящий из нескольких слов, пытается объяснить из смысла каждого входящего в него слова – в первую очередь это касается термина «производительные силы». Пашков утверждает, что в этом он следует идее Г.А.Багатурии, который писал: «Понятие «производительные силы» можно рассматривать как концентрацию понятия «сила». Но это утверждение ложно. Доказывается это на элементарном примере из школьной программы. Всем известный термин «лошадиная сила» в физике не имеет отношения к понятию сила, а является мерой измерения мощности – и каждый школьник обязан знать, что это разные понятия. Если кто-то их экономистов забыл школьную программу по физике, то пусть попробует объяснить сочетание «сила духа» из смысла каждого из двух слов ☺. Но поскольку филологически-формалистические изыскания докладчика основаны на неверной предпосылке, то и неудивительно, что он пришёл к выводу, что никто не понимал, что такое производительные силы. Бедные Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов и прочие (включая нас с вами) пребывали и пребывают в неведении, что это такое, поскольку сам Пашков дать определение, что такое «производительная сила», отказался.

Х. Танушев (Болгария) заочно выступил с докладом: «Собственность и экономические решения», в котором перечисляется немало конкретных фактов по экономическому развитию СССР времён

НЭПа и Болгарии первых десяти лет после установления народной республики. Однако смысл всего доклада остался для автора обзора неясным, ибо защищаемый докладчиком «тезис: собственность как отношение является мотивацией в рыночном товарообмене, а собственность как управление обуславливает центр принятия экономических решений» имеет слабое отношение к перечисленным в докладе фактам, и, главное, ошибочен, ибо управление является лишь одним из проявлений отношений собственности. Немало ошибок попадает и в тексте. Например, в одном утверждении докладчика: «При преобладании крестьянского населения собственность над основным средством производства, над земельным наделом, является ключевым вопросом решения базисных потребностей - осуществления физического выживания и воспроизводства индивида» содержится как минимум две ошибки. Во-первых, при общественной собственности на землю до капитализма люди тысячи лет удовлетворяли свои «базисные потребности»; во-вторых, даже для капитализма общественная (или государственная) собственность на землю является более предпочтительной, поскольку не приходится кормить дармоедов-землевладельцев. В-третьих, индивид не является объектом общественных отношений, таковым является общество. В одиночку индивид даже воспроизвести себя не сможет, человек – не инфузория, способная к делению ☺.

А утверждение «Нет веских экономических доказательств того, что частная собственность даёт лучшие экономические результаты, чем общественная» ложно вдвойне, поскольку оно внеисторично: именно из-за того, что частная собственность оказалась более эффективной, она сменила общественную первобытно-общинную собственность; а даже недостаточно развитая социалистическая собственность (мелкобуржуазно-социалистическая по сути) показала и в СССР, и в других соцстранах куда большую эффективность, чем капитализм в целом.

А если вернуться к конкретным фактам, то Танушев, показав, что народная Болгария пошла по пути СССР, развивая тяжелую промышленность, металлургию, машиностроение и химическую промышленность, не показал, что слепое следование опыту СССР было не лучшим экономическим решением в рамках системы социализма. Кремиковский металлургический комбинат был экономически абсолютно не нужен ни Болгарии, ни соцстранам в целом, ибо металлургических мощностей в СССР, Польше и Чехословакии было достаточно, чтобы удовлетворить все потребности. Если бы эти средства были вложены более рационально, например, в индустрию отдыха или современной техники, то Болгария могла бы вносить больший вклад в дело строительства социализма в стране и в рамках СЭВа.

Т.Е.Апанасенко (Петербург) очно представила доклад «Марксистский метод в действии: диагностируем фазис экономической мысли», который напрямую не связан с темой конференции, но, по-

жалуй, является наиболее теоретическим, поскольку касается методологии марксизма и политэкономии вообще. При этом общий методологический подход показан на конкретном примере «теорий» И.Шумпетера и Р.Арона, популярных на Западе и у российских недоучек. Докладчица, ссылаясь на разработанный Марксом метод определения стадий развития экономической мысли, а именно: «Если теория неверна и не ставит перед собой серьёзных фундаментальных проблем, она защищает интересы класса, обречённого сойти с исторической арены, поскольку последние ставят препятствия развитию производительных сил, а, значит, и прогностические возможности данной теории ограничены, особенно если учитывать её незаинтересованность в адекватном отражении реальности ... Между характером познавательного процесса (научным или вульгарным) и его классовой ориентацией существует объективная причинная зависимость. Классовая ориентация детерминирует степень вульгаризации познавательного процесса (ориентация не на класс-флагман прогресса производительных сил предопределяет неадекватность и безамбициозность теории). Верна и обратная связь: степень вульгаризации познавательного процесса экономической теории указывает на то, что класс, бессознательное которого выражает данная теория, бесперспективен в плане задержки на исторической арене; его интересы, скорее всего, не совпадают с интересами развития производительных сил, и он вот-вот будет ими сметён и уничтожен».

Применивший этот метод впервые Рикардо достиг в своё время вершины в развитии политической экономии: Рикардо был апологетом буржуазии в её борьбе против феодализма, поскольку именно буржуазия тогда способствовала развитию производительных сил. Однако кризис перепроизводства 1825 года знаменовал моральное устарение теории Рикардо, и Энгельс и Маркс показали, что в роли флагмана прогресса буржуазии должен заменить пролетариат. Далее Апанасенко показывает, что критика теории Маркса со стороны Шумпетера и Арона несостоятельна по всем четырём пунктам, на которых она основана. Два первых пункта фактически составляют один и заключаются в обвинении Маркса во внесении в экономическую теорию социологических категорий. На самом деле социологические категории были внесены в трудовую теорию стоимости задолго до Маркса, а сама политэкономия как раз и является наукой, включающей в себя и историю, и социологию, и экономическую географию и др. Третий пункт «обвинения»: несоответствие цены и стоимости и прибыли и прибавочной стоимости; но цена и прибыль, которые легко наблюдать – это видимость, а стоимость и прибавочная стоимость – это скрытые сущности процессов. Но четвертый пункт – практика якобы не показывает ухудшения положения пролетариата по мере развития капитализма, на самом деле имеет две стороны, ибо Маркс говорил о тенденциях абсолютного и относительного обнищания пролетариата, а защитники капитализма «забывают», что относительное обнищание

пролетариата – это уже не тенденция, в закон, который подтверждается на протяжении нескольких веков, и упирают только на абсолютное обнищание пролетариата. Апанесенко про относительное обнищание пролетариата тоже забыла упомянуть, но показала, что тенденция абсолютного обнищания пролетариата – тенденция временная. Однако С.Амин как раз в Петербурге 3 года назад утверждал, что и абсолютное обнищание – тенденция не забытая, если рассматривать капитализм в его целостности, а не только в развитых странах (но свои расчёты не представил). Рассматривая также неспособность современной буржуазной экономической теории решать что-либо, кроме частных проблем, докладчица делает верный вывод, что «будущее экономической науки отнюдь не за доминирующей её парадигмой, а стабильность современного миропорядка представляет собой иллюзию».

О стабильности (точнее, нестабильности, современного миропорядка) более конкретно (и тоже очно) доложил москвич **С.З. Гафуров** («Диалектика ленинского лозунга поражения своего правительства и антиимпериалистической борьбы в условиях современной капиталистической глобализации (на примерах Сирии, Украины, Венесуэлы, Ирана, КНДР...).

При том, что «при определении современной политики «левых» сил в России и во всём мире возникает диалектическое противоречие» при антиимпериалистической борьбе против глобального капитализма нельзя не согласиться с Гафуровым, но вот то, что это противоречие связано с ленинской линией поражения своего правительства – согласиться никак нельзя.

Начнём с ленинского лозунга поражения своего правительства – на самом деле это лозунг поражения своего правительства в мировой империалистической войне выдвинут как лозунг для пролетариата всех воюющих стран как предпосылка к мировой революции, для превращения войны империалистической, в которой десятки миллионов рабочих и крестьян уничтожают друг друга, в войну против зачинщиков этой войны – кучки капиталистов (даже не всего класса). Вопрос этот не простой, и фактически сводится к другому, более общему вопросу – о войнах справедливых и несправедливых. Но даже у Ленина нет на него однозначного ответа. Во время русско-японской войны, стычки двух империалистических хищников, лозунг поражения собственного правительства не выставлялся. Во время Первой мировой войны по мнению Курёнышева этот лозунг был направлен, в первую очередь, против немецких социал-демократов, самой крупной социалистической партии Европы, которая поддержала в этой войне собственное правительство, а в России – для размежевания с оборонцами, как меньшевиками, так и эсерами. В 1914-1916 годах у Ленина были даже сомнения, применим ли лозунг поражения своего правительства к Сербии, которая являлась жертвой империалистических хищников, и война которой против Австро-Венгрии была националь-

но-освободительной. Но в рассматриваемый период (после 1921 года) Советские республики оказывали помощь Турции, включая военную, в борьбе против агрессии Греции, хотя за три года до этого турецкие войска подавляли советскую власть в Закавказье.

При том, что общие принципы должны соблюдаться, рецепты прошлого мало применимы для современности, нужна всегда строгая проверка старых лозунгов. Поэтому вывод Гафурова: «В любом конфликте империалистических неокOLONиалистских метрополий «левые» силы должны выступать против центров глобального капитализма (прежде всего, США и ЕС) и локальных марионеток глобального финансового капитала» представляется упрощённым. Применительно к истории России «левые» силы, например, в Госдуме, никогда не блокировались с черносотенцами, выступавшими часто против буржуазии; наоборот, во время революции 1905 года питерские рабочие бросили гранату в сборище черносотенцев. Германские нацисты тоже выступали против империализма США и Англии – но СССР не блокировался с ними. Только умозрительные баррикады имеют две стороны; на практике бывают и другие политические стороны. Например, в сентябре-октябре 1993 года наша партия «Союз коммунистов» ушла с баррикад, поскольку не желала быть марионеткой в противоборстве двух реакционных сил, ибо Хасбулатов и Руцкой даже ничего не пообещали рабочему классу. Хищники, переделав добычу, помирились, а несколько тысяч «левых» бойцов потеряли при этом жизнь. Лозунг «С Путиным против немцовых» - из той же серии; борьба Путина с прозападными либералами - это борьба «нанайских мальчиков».

В конфликте в Сирии и Ираке между «исламистами» и буржуазными демократами «исламисты» тоже объявляли себя противниками капитализма. Но это были реакционные противники справа (не говоря уже о том, что сами они были при этом марионетками тех же США). В докладе верно говорится, что и Россия, и Иран являются государствами периферийного капитализма. Но при этой общности нельзя не увидеть и большую разницу - иранский национальный капитал действительно ведёт борьбу против американского империализма (и вынужденно – против дурачков-союзников США), а российский капитализм сам является марионеткой империализма – но со своей особой ролью. И не слишком обоснованно объединение в один лагерь империалистов США и ЕС. Это конкуренты. США по своему обычаю хотят использовать этих чемберлено-далады в своих целях, а главный их противник – Китай. Но следующими противниками будут их бывшие союзники: на Земле есть место для нормальной жизни не более 400-500 миллионов человек, и все остальные, в том числе бывшие союзники – лишние. А во внутренней политике такая линия чревата давно уснувшим «красным путинизмом». 20 лет товарищи ждут от Путина «красного» поворота и борьбы с империализмом – и кое-кто, кажет-

ся, так и не дождался. А к чему привела эта политика? Даже Обама издевается – растеряли всех союзников.

В последнем очном докладе «Возвращаемся к дискуссиям столетней давности: преодоление коммунистической многопартийности или тактика единого фронта?» **Д.А.Митина** (Москва) попыталась в очередной раз решить вопрос: «Что сейчас актуальнее – преодолевать коммунистическую многопартийность путём объединения существующих коммунистических партий или единый левый, антикапиталистический фронт?». Надо сразу отметить, что вопрос логически противоречив: объединение существующих коммунистических партий – это вопрос более узкий, межпартийный (тем более, что речь идёт об объединении только двух партий – ОКП и РКРП), а создание антикапиталистического фронта – это дело более широкое, чем объединение нескольких партий. В докладе показаны некоторые внутренние препятствия по объединению партий, уже официально принявших такие решения на своих съездах полтора года назад, и приведён пример объединения двух компартий в Непале. Конечно, Непал и Россия – это весьма разные страны, но почему удалось объединиться двум партиям в Непале, которые некоторое время вели между собой борьбу, в том числе вооружённую, а в России две партии, никогда не враждовавшие, не могут объединиться?

Следует отметить, что в истории России за последние 30 лет был лишь один случай объединения двух компартий – это когда РКРП объединилась с РПК, а вот случаям партийного раскола автор обзора давно потерял счёт. Митина не анализировала этот удачный случай объединения в России, а он мог бы быть полезен – хотя бы как отрицательный пример, ибо это объединение состоялось по принципу фактического поглощения РПК. На это пошёл её бывший лидер А.Крючков, зная свой неутешительный диагноз и не желая из личных амбиций более естественного объединения РПК и РКП-КПСС: все предыдущие попытки объединения близких и по истории, и по программным целям РПК и РКП-КПСС блокировались как раз руководством РПК, а точнее – тем же Крючковым. Поскольку автор обзора в своё время (тридцать лет назад) был активным сторонником объединения всех коммунистических сил, то ещё в горбачёвское время принимал участие в работе как Марксистской платформы в КПСС, так и в ДКИ, а затем – в попытках создать новую и объединённую компартию в России – начиная с создания первой компартии на постсоветском пространстве – КПСС (С.Скворцова). И перед её съездом, и на первом съезде мы пытались убедить бывшего товарища по Марксистской платформе в КПСС Скворцова не торопиться, не проводить малоподготовленный съезд, а дождаться, когда мы свяжемся с большим числом организованных групп. Но съезд состоялся, и нам пришлось уйти с него. Одновременно мы продолжали подготовку к совместному съезду с ДКИ и совместно с Р.И.Косолаповым готовили совместную программу и устав. Была достигнута предварительная договорённость

о том, что мы проводим в Москве свой съезд (партии «Союз коммунистов»), на котором принимаем за основу согласованные программу и устав, а через неделю в Свердловске объединяемся с РКРП на её учредительном съезде. Единственное существенное условие, которое поставил нам (руководству партии) наш съезд – чтобы в уставе была свобода образования платформ. Свою часть объединительного процесса мы сделали – но в Свердловске оказалось, что ленинградские товарищи косо смотрят на такое объединение. Тем не менее, при голосовании пункта устава о свободе платформ съезд большинством голосов это принял. Но не прошло и часа, как под надуманным предлогом подставные лица из числа сторонников М.Попова и А.Сергеева провокационно предложили изменить этот пункт, допустив не только платформы, но и фракции. Съезд ожидаемо эту формулировку отклонил, но при этом с водой выплеснул и ребёнка – платформы были также запрещены. Все наши попытки вернуться к прежнему решению оказались напрасными – и мы были вынуждены покинуть съезд. Кстати, два «непримиримых борца за партийное единство» через два года оказались вне РКРП – Попов попытался создать Рабочекрестьянскую российскую партию, а Сергеев – оказался в партии Пригарина.

О других попытках объединения компартий автор мог бы написать нескучную историю, но результат один – негативный. А вывод – близкий к выводу Митиной – пока не созрели условия для объединения в одну партию, следует ориентироваться на консолидацию сил в рамках не партий, а менее формальных объединений (фронт, блоков и пр.). Условия же для объединения могут появиться только в совместной борьбе. Но не столько в интересах внеклассовых «трудящихся», сколько в интересах рабочего класса. Но современного рабочего класса, а не рабочего класса прошлого – лиц физического труда. А вот о рабочем классе и у Митиной в докладе ни слова, ни у РКРП – ни дела. Ибо перед докладом Митиной в коротком разговоре с лидером РКРП В.А.Тюлькиным перед памятником Ленину у Финляндского вокзала, когда автор обзора выразил сожаление, что представители РКРП в работе конференции не участвуют, Тюлькин гордо сказал – «Зато мы работаем у проходных заводов». То есть, бессменный лидер партии признал, что на заводы (не говоря уже о НИИ и КБ), за тридцать лет РКРП так и проникла. А не имея современной теории – и не проникнет; в карете прошлого далеко не уедешь.

В.Ф.Исайчиков

Содержание

Исайчиков В.Ф. О коренных переменах точки зрения на социализм у Ленина	1
Исайчиков В.Ф. Краткий критический обзор-впечатление с комментариями XIV Плехановских чтений	8
Исайчиков В.Ф. Трагедия Э.В.Ильенкова как проявление кризиса в философии	34
Исайчиков В.Ф. Административно-территориальное деление как один из видов политической борьбы	37
Исайчиков В.Ф. Направления развития политэкономии. Часть I	43
Багоцкий С.В. Обзор конференции «Г.Ф.В. Гегель, Ф.Энгельс и естественные науки»	47
Исайчиков В.Ф. Новая глобализация – путь через катастрофу или торжество гуманизма?	51

ПРОСВЕЩЕНИЕ №2 (29+57) 2021

Журнал основан в 1911 года по инициативе В.И.Ленина, возобновлён в 1995 г. как просветительский, теоретический и общественно-политический журнал Российского союза коммунистических партий. Номер подготовлен “Марксистской платформой”.

Информация и статьи, подписанные конкретными авторами, отражают их личное мнение. Оно может не совпадать с позицией редакции, которая не несет ответственности за содержащиеся в них оценки.

Журнал выходит на общественных началах и нуждается в помощи читателей в издании и распространении.

Подписано в печать 08.12.2021 Цена свободная

Регистрационное свидетельство Госкомпечати РФ N 012681

Учредители: Совет учредителей. Главный редактор - В.Исайчиков.

Адрес для перелиски: 1234587, Москва, до востребования, Исайчикову В.Ф.

mihmarkin@mail.ru,

<http://prosvet.h1.ru>